

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 8—96

Т. О. Билан, О. В. Петрив

Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, Дрогобыч, Украина

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОДУСЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА ВИННИЧЕНКО «СОЛНЕЧНАЯ МАШИНА»

Введение. Проблема гармонического существования человека в обществе была и остаётся одной из самых актуальных проблем человечества. Человеческое бытие не является совершенным, и при этом жизнь человека не может быть объяснена никакими объективными законами. На уровне экзистенциальных проблем осуществления собственной жизни человек не может быть предсказан и управляем. Необходимость решать острейшие проблемы (проблемы жизни и смерти, свободы и ответственности, смысла и его утраты, общения и одиночества) и невозможность сделать это однозначно порождает глубинное беспокойство человека — экзистенциальную тревогу. Экзистенциалисты считают эту тревогу неотъемлемым атрибутом полноценного бытия человека, в частности, Ясперс говорит об абсолютной свободе человеческой экзистенции, которая независима от любой внешней детерминации. В художественных произведениях Владимира Винниченко отражены его рассуждения о содержании и сущности человеческого существования, прослеживается экзистенциальный подход к размышлениям о существовании и смысле бытия. В частности, писатель исследовал такие модусы человеческого бытия, как свобода, ответственность, отчуждённость, тревога, страдание, страх, боль, вина, забота, скука, пограничная ситуация, которые выявляют способность выходить за пределы любого ограниченного, конечного образования — к трансцендентному. Именно в «пограничных ситуациях» (болезнь, страдание, вина) человеку открывается его конечность, и одновременно проявляется его связь с бытием.

Основная часть. Основными категориями экзистенциального философствования Владимира Винниченко являются те, с помощью которых философ осмысливает проблему существования человека в мире других людей, предметов и явлений, в отношениях с самим собой на уровне сознания и самосознания, в трансценденции — к счастью, в котором осуществляется человеческая свобода и которое является необходимым условием создания человеком самого себя. Ведущей темой философско-литературного творчества В. Винниченко является тема человека — его существование, соответствующее сущности, поэтому основным персонажем произведений философа является человек в конкретизации временно-пространственных характеристик его бытия: ребёнок (нерождённый ребёнок, младенец, подросток), зрелый мужчина, женщина, немощный старик, безродный, нищий босак, миллионер-аристократ, принципиальный бескомпромиссный преобразователь мира, безвольный апатичный обыватель, поклонник и проповедник, воплощение красоты, олицетворение человеческой силы и воли. Измерениями бытия винниченковского человека является его обыденность, граничность и то, что выводит её за пределы временно-пространственных характеристик, — трансценденция.

Обыденное бытие человека в творчестве В. Винниченко — та эмпирическая реальность, которая побуждает человека к труду ради средств к существованию для себя и своих родных. И не очень важно, какой это труд — «у машины» («У машины»), управление синдикатом («Новая заповедь»), работа «секретного сотрудника» («Слово за тобой, Сталин!»). Эта работа позволяет человеку физически, телесно сохранить себя и продолжить свой род в детях, жить в наслаждении и радости, эквивалентом чего являются деньги, ради которых человек работает в повседневности. Вся ответственность человека за «нереальность» этого бытия возложена на внешний по отношению к человеку мир, на «жизнь», и такие понятия, как «измена», «правда», «мораль», «этика», теряют свой человеческий смысл. Вот как рассуждает об этой «успокоенности в несобственном бытии», по Хайдеггеру, В. Винниченко устами одного из своих героев в романе «Солнечная машина»: «Что человеческая этика, законы, предписания в волнах миллионов лет? На весах природы человеческая добродетель и человеческие преступления весят не больше друг друга. И те, и другие ей также нужны, необходимы и полезны, как математику плюсы и минусы... Сегодня измена является преступлением, а завтра — геройством. Три тысячи лет назад нынешние добродетели считали преступлением. Спустя ещё три тысячи лет современные преступления сочтут за детские предрассудки. Жизнь и через три миллиона лет будет таким же абсолютным, единственно справедливым законом, а радости и удовольствия её единственными нравственными предписаниями, которые умному человеку надо выполнять. И когда в этот момент истории человечества деньги являются консенсированными радостями и ценностями жизни, когда в них, как в сказочном, чудодейственном ящике скрыто всё, что существует на свете: и вечная лазурь, и женская любовь, и грусть поэта, и смех фигляра, и уважение, и всякая истина, и самая дорогая добродетель, и слава, — когда это всё в этом ящике, тогда только завистливые ничтожества или фанатичные кретины... во имя какой-то крошечной их “правды” могут запрещать иметь как можно больше этой консенсированной жизни»

[1, с. 185—186]. Это обыденное бытие является всего лишь «пробытием» человека в мире — пассивным и несвободным, отчуждённым от собственного «Я» человека, от «самого себя», и этой «консенсированной жизни» не важно кто ты — миллионер или нищий. Описывая недействительность и низость этого бытия, В. Винниченко в романе «Солнечная машина» говорит о «счастье» «господина президента», миллионера Мертенса, так как его жизнь, как и жизнь любого нищего, который заботится о куске хлеба, о повседневном, является активной только извне: «Господин президент откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. Какое счастье было бы бросить это вечное напряжение, эту сумасшедшую работу машины, эту каторгу богатства, власти, “деспотизма”! Забиться бы куда-нибудь на дикий, пустынный берег моря, поселиться в лесу, в пещере, сбросить с себя все человеческие одежды, все ига и путы, лежать на тёплой скале, слушать пульс моря и быть свободным, простым, самим собой. Он так ужасно соскучился по самому себе! Он так давно не виделся с собой, настоящим, действительным собой» [2].

Атрибутом повседневного бытия, по мнению В. Винниченко, является не только тяжёлый труд ради «хлеба насущного», на службе в «консенсированной жизни» является религия, наука, философия, мораль, «предписания» которых обезличивают человека, «овеществляют» его бытие. В. Винниченко развенчивает «святое идеальное учение», «бессмысленную лживую чушь»: «Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас, слушайте тех, кто грабит вас, подставляйте ваши левые щеки, когда вас бьют в правую, и любите, любите ближнего, как самого себя» [3]. «Великие философы человечества всех возрастов на все лады пережевывают её, реставрируют, обновляют <...> все эти Канты, Толстые, Майеры, все с её помощью скрывают свои молодые пакости» [4]. «Любовь к ближнему» — к обезличенному человечеству, по мнению В. Винниченко, это «эгоизм» — «жестокый, злой, тупой, лицемерный эгоизм!», поскольку такая этическая установка лишает «ближнего» его неповторимого личностного начала, как и дарящего этому «ближнему» свою любовь. Ведь, по мнению В. Винниченко, окружающий нас мир не является однозначным и его дуализм (в частности наличие в нём Добра и Зла) всегда может быть персонализирован человеком. В «Солнечной машине» (часть I) воплощением торжествующего зла является президент Мертенс, а униженного добра — безрукий рабочий-нищий Наделё и его семейство. Для атеистически-экзистенциального мировоззрения и образа мышления В. Винниченко любовь (которая является равноценной выбором) к одному исключает другого: «Плевать вам (“философам”, “социалистам” и другим — **Т. Б., О. П.**) на то, что любовь к Мертенсу является неизбежно и необходимо ненавистью к Наделю, к миллионам Наделей. А любовь к Наделям является ненавистью к Мертенсам! Нет вам обязательно нужно ко всем, потому что вам, собственно, наплевать на Мертенсов и на Наделей» [5].

Обыденность овеществляет не только человека как личность, но и охлаждает в нём все страстно-человечное. В пространстве «консенсированной жизни» предметами купли-продажи являются человеческие чувства: любовь, верность, а Бог, Красота опутаны лицемерием и не могут человеку дать радость и наслаждение. Человеку свойственно бунтовать против такого положения вещей, но это бунт эмоциональный, это та активность обыденного бытия, которая всегда снаружи человека, а не внутренняя и глубинная. В. Винниченко изображает такую активность в образе графини Труды, в которой есть «органическая потребность ставить оппозицию ко всему, что все порядочные люди уважают» [6] и в «бедной душе» которой «такой кавардак, как в сундуке, в котором искали иглу: всё кучей, всё перемешалось, перепуталось, ничего разобрать нельзя. А ей непременно надо всё распутать, непременно!» [7]. Придя на исповедь в обитель Бога, она раскрывает перед ним свою душу, откровенно говорит о том, что ненавидит своего отца, потому что он сомневается, что является отцом Труды; она любит и готова отдаться вся этому чувству, однако не понимает, почему «эти чувства у человека являются зверскими, низкими чувствами, противными Богу чувствами», но «чем же люди лучше зверей?», ведь в отличие от людей звери «не продаются друг другу, не обманывают, не унижаются, не лицемерят, не предают, не читают друг другу скучных, долгих нотаций. Они свободны, независимы, искренние, они делают так, как думают и чувствуют», ей надоело врать, «врать вечно всем и себе врать. На каждом шагу, по каждому поводу, по доброй воле и по принуждению», она не хочет замуж за нелюбимого человека, понимая такой брак как куплю-продажу только потому, что «он может покупать, она должна продаться» [8]. Это бунт человека против предписаний «консенсированной жизни», однако в нём лишь её «хочу» — желание, которое, по Сартру, обнаруживает «недостаток бытия», его недостаток, в нём неопределённость собственного пути, однако готовность к выбору: «Она [графиня Труды] хочет полной свободы, искренности, без принуждения, такой, которую имеют звери, птицы, цветы, насекомые. Сбросить с себя всякую одежду, всякие приличия, предписания, заповеди, лежать на солнце; ничего не стесняться; никакого греха не знать; никакого раскаяния не чувствовать; никаких молитв не делать; обнимать того, кто дорог; отталкивать гадких; молчать, когда хочется молчать; петь, когда хочется петь...» [9].

В пространстве повседневной жизни, изображённой В. Винниченко в первой части «Солнечной машины», всё вещественное подлежит купле или продаже, все низменное, мёртвое — и Красота, и стремление благополучия для всего человечества и пути его достижения. Кредо Красоты в повседневном бытии В. Винниченко определяет словами богемной красавицы-аристократки Сусанны: «...жизнь — настоящая, реальная жизнь есть в красоте, благодаря красоте и для красоты. Вне красоты ничего нет, это всё — нереальное, ненастоящее. Вечная — только красота. Социализмы, партии, справедливость, наука, газеты, фабрики — всё это временное, непостоянное, и всё это только средства для постижения красоты. И богатство тоже. Но без богатства не может быть красоты...» [10].

В рассуждениях другого героя В. Винниченко, графа Адольфа фон Эллэнберга, смысл и ценность жизни меняются с течением времени. Старик, вспоминая свою молодость, которая совпала со временами величия монархии, восторженно говорит о потерянных идеалах: «Монарх — это не человек, это выражение силы, могущества, единства поколения. Троны, парады, выходы королей, императоров, набожность, религиозность, ощущение их личности, блеск, мистическая властность — это всё не личные качества, это — дух поколения, это — высший закон» [11]. Однако «душа умерла (т. е. монарх — **Т. Б., О. П.**), и умирает поколение», а поэтому,

продолжает граф, «...всё — проходящее, всё — изменчивое: и власть, и слава, и богатство, и сами поколения. Единственное, что человек имеет неизменного, вечного, святого, это — семья... это цемент людей, это единственное счастье, на которое может человек претендовать» [12]. Хотя искренность этих слов можно поставить под сомнение, поскольку в собственной семье этого героя «цемент» и «счастье» основаны на сомнении в своём отцовстве в отношении собственных детей, на недоверии к жене, отчуждении от собственной семьи, готовности «продать» свою дочь в замужество с богатым, пожилым, своевольным человеком. А для принцессы Элизы «жизнь есть борьба. В борьбе побеждают сильнеешие, то есть лучшие...» [13].

В условиях повседневного бытия человек растерян, он стремится к счастью и благополучию для себя и для других, однако нет единства в выборе путей его достижения: учёный служит «истине и науке» и убеждён, что «люди могут и должны найти общий язык не путём борьбы, насилия и уничтожения, а путём разума, науки и труда» [14]. Для такого понимания любой другой путь — это проявление насилия и террора, поэтому одни становятся членами террористической организации (интернациональный авангард революционной акции — «Инарак»), «цель его — личные удовольствия, а счастье всего большого коллектива, который называется человечеством. В жертву этому коллективу можно и нужно принести отдельные единицы...» [15].

Первая часть романа «Солнечная машина» отображает повседневное бытие человека, где господствуют те ценности и моральные предписания, которые Серен Кьеркегор определяет бытием человека эстетического мировоззрения, в котором «лишь бы удалось довести человека до перекрёстка и поставить его так, что он принуждён избрать какую-нибудь из лежащих перед ним дорог, а там уже он наверно выберет надлежащую» [16, с. 240]. Для всех героев первой части «Солнечной машины» девизом жизни является наслаждение жизнью, или делом всей жизни — помочь другим наслаждаться жизнью. Условия для такого наслаждения, по Кьеркегору, «...находятся обычно не в самом желающем наслаждаться жизнью, а вне его, или, если и находятся в нём, то все-таки не зависят от него самого...» [17]. Кьеркегор называет несколько «категорий эстетиков»: для одних высшим благом является здоровье, для других — красота, или же целью жизни других есть богатство, власть и почести, или талант, а эстетики-аристократы «понимают под наслаждением жизнью удовлетворение всех своих желаний» [18]. Галерея образов в этой части — это пример кьеркегоровских эстетиков: для химика-аскета Рудольфа Штора — это его талант и работа над изобретением, которое осчастливит человечество; для Сусанны — служение Красоте, условием чего является богатство; для президента Мертенса — абсолютная власть и господство над миром в титуле Короля Земли; для Макса Штора — борьба с вселенским злом методом террора; для управляющего графского дома Ганса Штора — «Вечный порядок», согласно которому «всё на свете имеет своё место и свою функцию, не исключая самого Господа Бога» [19]; для наследницы монархической династии принцессы Элизы — это месть за смерть отца и брата, ради которой она готова вступить в брак с убийцей своих родных; для графини Труды — жить так, «как хочется»; для старого немощного Наделя и его семейства — это забота о ежедневном куске хлеба. В измерении повседневного бытия героев актуализация неповторимо-личностного начала заторможена необходимостью каждого заботиться об удовлетворении собственных потребностей. Эта необходимость связана с внешними обстоятельствами действительности в отношении человека и его деятельности, в значительной степени со случайностью условий существования каждого. В. Винниченко открывает для своих героев путь к свободе, которая, согласно экзистенциальной диалектике, является выбором между альтернативами и основывается на возможности. Такой возможностью для героев В. Винниченко является изобретение Рудольфа Штора, названное «Солнечной машиной», — это «такой аппарат, который устраняет лишних посредников между человеком и солнцем в его кормлении» [20]. Само определение, которое даёт В. Винниченко Солнечной машине, указывает на освобождение человека в его существовании, на утверждение его в качестве субъекта собственного бытия, поскольку с изобретением Солнечной машины снята необходимость и предоставлена возможность выбора: «...Солнечная машина освобождает человечество от прежних способов кормления, а тем самым — от современных способов хозяйства... и от всех нынешних экономических, социальных, политических и всех других форм притеснения и зависимости одних людей от других...» [21]. Солнечная машина даёт человеку экзистенциальную свободу, она освобождает творческую энергию, изменяет самого человека и мир вокруг него: «...отмирает целая эпоха! Без крови, без боёв, без баррикад, виселиц, гильотин, без больших потрясений, переворотов, без помпы и декламаций сходит со сцены истории целый социальный строй» [22]. Причина такого переворота не извне, а в самом человеке — в сделанном им выборе: быть «трупоедом», т. е. потреблять обычную пищу, мясо убитых животных и прочее, или кормиться «солнечным» хлебом, который «печётся» Солнечной машиной с растительной массы, вспрыснутый каплями пота того, кто будет потреблять этот «хлеб». Знакомство человека с Солнечной машиной, по В. Винниченко, вводит её в кризисное состояние, которое языком экзистенциально ориентированной философии названо «пограничной ситуацией». Такое состояние человека после знакомства с изобретением доктора Рудольфа Штора актуализирует личностное начало в человеке, ведь это, по мнению В. Винниченко, счастье — есть свой хлеб, заработанный своим, а не чужим потом [23].

У героев второй части «Солнечной машины» В. Винниченко заострённое самосознание, ими переосмыслен смысл жизни, они вышли за пределы обыденного, обезличенного бытия, поскольку убит «страшный дьявол: труд-конечность, труд-обязанность. Только Солнечная машина (т. е. осознание своей свободы — **Т. Б., О. П.**) показывает, что труд-каторга является проклятием человека» [24]. В пограничной ситуации знакомства с Солнечной машиной и выбора, что является альтернативой свободы, герои В. Винниченко разрушают традиционный способ отношения к миру, этот поступок равносителен нравственному самоопределению каждого: «...более ста тысяч людей ежедневно освобождается от своих прежних “обязанностей”. Более ста тысяч пожизненных каторжан ежедневно выходят на свободу... Они не верят себе: неужели они ни завтра, ни послезавтра — уже не должны будут ежедневно

на рассвете схватываться, наскоро глотать свой скудный завтрак и бежать на свою каторгу? Неужели они могут знать, что они свободны, что никто их за их праздник не накажет, не оштрафует, что их дети от этого не будут голодать, что они могут смотреть на солнце, на лес, на траву и утром, и днём, и когда захотят? Они... как рождённые на свет во взрослом возрасте... они же так ничего не знают, так они мало видели, им не было времени, они должны были «работать» [25]. Каждый из героев в этой части проходит свой путь к освобождению от самого себя — ненастоящего. Этот путь пролегает через принятие или неприятие Солнечной машины, которая даёт свободу и возможность выбора. Граничное бытие является следствием осознанного выхода человека в неповседневные состояния, в которых граничность приобретает признаки специфического бытия [26, с. 131]. С изобретением Солнечной машины, которая освободила человека от необходимости труда ради средств к существованию и обогащения других, которая избавила от необходимости убивать других живых существ ради собственного выживания, мир людей разделился на «трупоедов», тех, которые не приняли Солнечной машины, и «сыроедов» — тех, кто совершил свой выбор освобождения. Время и для одних, и для других разделилось на «теперь», «до» и «после» изобретения. Этим «теперь» В. Винниченко, собственно, и называет бытие, которое в терминологии философов-экзистенциалистов отмечено как «граничное»: «...история людей от этого момента раскалывается на две половины: одна — всё то, что было, со всеми фазами и эпохами, вторая — будущая» [27]. Солнечная машина разрушила границы обыденности человеческого бытия, тот относительный порядок и спокойствие, в котором не было места для личностного как доминирующего в бытии, поэтому с появлением Солнечной машины или «сказки» о ней «деловой, практический, точный, скептический Берлин начинает проникаться легкомысленной мечтательностью, поверхностностью, халатностью, доверчивостью. Сказка влезает в затхлые, тёмные бюро и останавливает задумчивость руки тщательных чиновников. Она тайно шелестит шёпотом по конторам, мастерским, по всяким учреждениям, где сидят прикованные люди, навевая им мечту о том, как придёт “она” и раскуёт их. Она кричит, кричит... Она беспокоит, нервничает, раздражает, злит правительственные учреждения... Она везде вносит беспорядок, мятеж, тревоги, несогласие, грызню. Всё, чего она только касается своим причудливым тайным дыханием, сейчас же начинает бродить, разлагаться» [28]. В условиях освобождения от условностей повседневного бытия В. Винниченко выявляет противоречия, привнесённые ею (Солнечной машиной — сказкой — свободой) в пространство граничного бытия человека. Вот как определяет ценность освобождения человека от «самого себя ненастоящего» В. Винниченко устами одного из своих героев: «Это — индульгенция... всему человечеству, всем людям вместе и каждому в отдельности... Полное всепрощение! Забвение всех грехов. А также и святых... в этой коробке лежит смерть всех богов и дьяволов... лежит бомба ...Такой силы, что взорвёт всю историю человечества. Перевернёт все ваши “несгибаемые” законы красоты, морали, экономики, науки, политики» [29]. Однако человек имеет возможность выйти за пределы этого граничного бытия, поскольку, согласно экзистенциальной диалектике, эти противоречия можно снять прыжком в новый план бытия. Принятие свободы Солнечной машины — это выбор, принятие самого себя новым — возрождённым. Однако, несколько перефразируя Кьеркегора, скажем, что тот, кто решился на выбор самого себя, то решился на отчаяние, поскольку отчаяние даёт человеку «познание самого себя как человека, иначе говоря — осознание своего вечного значения... отчаяние — это свободный душевный акт, который приводит человека к познанию абсолютного» [30].

В третьей части «Солнечной машины» В. Винниченко изображает человека, который попал в экзистенциальное пространство отчаяния — такую ситуацию граничного бытия, в которой каждый из героев переживает абсолютную невозможность дальнейшего существования в обычном пространстве [31, с. 88]. Солнечная машина, которая, в терминологии В. Винниченко, является подставным понятием философско-антропологического феномена свободы, стала для каждого из героев граничной ситуацией, в которой автор отделяет повседневное, будничное бытие каждого и открытую возможность совершить прыжок в новое, ещё не изведанное пространство бытия, рискнуть стать другим, лучшим — самим собой. В этом процессе возникают противоречия, которые вытаскивают сознание в трансцендентное, а также осуществляется восхождение от противоречия к «экзистенциальной истине». Эти противоречия эмоционально напряжены, их невозможно решить, только перейти в новый план бытия. По Ясперсу, эта бесконечная диалектика не заключается ни в примирении, ни в угнетении противоречий, они — факторы потрясения внутреннего мира человека, которые побуждают к выходу за пределы обыденного собственного бытия [32, с. 159]. В. Винниченко изображает эти противоречия между достижениями, которые человек получил от Солнечной машины (свободы), и потерями от обладания ею. Вот как возмущается крестьянин, когда-то глава большой и дружной семьи: «Когда появился солнечный хлеб, так и работы уже никакой нет?.. Страха не стало! Уважения не стало! Что им теперь отец? Возьму, говорит, Машину под мышку и пойду прочь...» [33]. Овладев свободой, освободившись от необходимости заботиться о средствах к существованию, по В. Винниченко, человек разрушил весь спектр собственной жизнедеятельности, обнажил свою сущность, стал «по ту сторону добра и зла» («Теперь есть только человек, животное и растение» [34]). Как говорит один из героев В. Винниченко, «сломалась... ось, на которой крутился воз необходимости. Воз перевернулся — и человечество свалилось из царства конечности в царство свободы» [35]. Изображая человека в измерении граничного бытия, В. Винниченко стоит на принципах негативной, в частности экзистенциальной, диалектики, исследует диалектические структуры свободы и необходимости, сущности и существования, прослеживает путь восхождения человека от противоречий существования к экзистенциальной истине. Автор изображает картину торжества свободы как бунт человека против овеществлённого бытия: «...всё катастрофически, вулканически рушилось, ломалось, рвалось! Железные дороги, электричество, водопровод, телефон, почта, трамваи моментально, почти в один день, остановились, как только стало известно, что стекло (основная деталь Солнечной машины — *Т. Б., О. П.*) уже есть у всех... Все бросились в магазины, склады, банки. ...Как рвали деньги, как

разбрасывали золото, драгоценные камни, какие оргии, танцы, объятия, драки были на улицах! ...Какие сцены! Одни плачут, другие смеются, одни пьют из бочек вино, прощаются, другие бьют их, смеются. Один ювелир-миллионер упал в своём магазине на мешок с бриллиантами, которые хотел спрятать, и так рыдал над ними, что его должны были обливать пивом с бочки. И все с узелками, охапками одежды... с вазами, книгами, ружьями. ...А потом — расселение! ...Из центра, с небоскрёбов, из погребов как двинулась вся масса на виллы, на дома богачей. ...Разумеется, многие в горе и отчаянии. Ах, люди в свиней, в богов, в животных превратились. ...Ну, и что тут такого страшного?.. А чем прежняя человеческая жизнь была лучше? Все только тем были заняты, чтобы получить денег. Деньги, деньги, деньги. И больше ничего. И лицемерие, и ложь, и обман, и насилие» [36]. Формула высвобождения человека и природы звучит в словах: «А теперь никаких денег не надо, и поэтому нет никакой лжи, обмана, насилия. Все живы, здоровы и сыты. И наплевать на всё остальное...» [37].

Показывая экзистенциальную ситуацию «пограничного бытия», В. Винниченко изображает отчаяние, в котором герои третьей части «Солнечной машины» переживают абсолютную невозможность дальнейшего существования в бытийном пространстве господства Солнечной машины и свободы. Сусанна, бывшая хозяйка аристократического салона, в котором собиралось изысканное общество поклонников красоты, не выбрала прелести Солнечной машины, не выбрала возможности выбрать себя, а выбрала отчаяние и смерть: «Солнечная машина выпалила всё человеческое, а человеческое есть в красоте, в создании красоты. ...С человека снят тысячелетний грим божественности, которым он хотел отличить себя от животного... Вот в чём тот ужас, который гонит меня с этого дикого стада в небытие... Тысячи веков борьбы за существование довели до обеспечения существования. И это гибель человечества, поворот в лоно зверей, с которого оно вышло... Я хочу умереть человеком» [38]. Тоска, отчаяние и ужас раскаяния охватывает и изобретателя Солнечной машины, видя последствия своего изобретения: «...только теперь он знает, что двенадцать лет таскал на гору огромную тяжёлую сумку своего славолубия, думая, что несёт любовь к людям и науке. Только теперь, когда он с сумкой своей лежит на дне бездны, он слышит, что в ней стонет не любовь к людям, а пониженная, недодушенная гордость» [39]. Существование каждого заполнено отчаянием и одиночеством в окружении чужих себе, равнодушных к себе людей [40], в ситуации, когда «человечество потеряло все связи, распорошилось на миллионы атомов, одиноких, независимых, равнодушных друг к другу» [41]. Однако одиночество отчаяния героев В. Винниченко раскрывается миру, и человек видит возможность выхода из безвыходной ситуации — «не террором, а трудом» [42], поскольку «просто хочется делать... от радости, от счастья, ...от воли хотят делать» [43].

Заключение. Философско-утопический роман В. Винниченко «Солнечная машина» свидетельствует об экзистенциальном способе мышления автора. Раскрывая проблемы сущности и существования человека, свободы и необходимости, внешнего и внутреннего, автор раскрывает её на таких уровнях, как существование человека в мире других людей, предметов и явлений; в отношениях с самим собой — на уровне сознания и самосознания; в трансценденции — к счастью, в котором осуществляется человеческая свобода и которое является необходимым условием создания человеком самого себя. Измерениями бытия винниченковского человека является его обыденность, граничность и то, что выводит её за пределы временно-пространственных характеристик, — трансценденция.

В обыденной жизни сущность человека определяется его окружением, в пограничной ситуации человеческая сущность раскрывается непосредственно как его собственное бытие, через личностное существование, через экзистенцию. В. Винниченко выделяет такие экзистенциальные модусы, как свобода, ответственность, тревога, страдание, страх, боль, вина, забота. Герои романа прозревают в пограничных ситуациях, в которых и проявляется связь с бытием, осуществляется освобождение человека в его существовании, утверждение его в качестве субъекта собственного бытия. В пограничной ситуации знакомства с Солнечной машиной и её выбора, что является альтернативой свободы, герои В. Винниченко разрушают традиционный способ отношения к миру, этот поступок равносителен нравственному самоопределению каждого.

Список цитируемых источников

1. Винниченко В. К. Твори : в 2 т. Київ : Дніпро, 2000. Т. 2 : Сонячна машина : роман. 624 с.
2. Там же. С. 205.
3. Там же. С. 88—89.
4. Там же. С. 89.
5. Там же. С. 89.
6. Там же. С. 17.
7. Там же. С. 37.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 36.
10. Там же. С. 102.
11. Там же. С. 27.
12. Там же. С. 28.
13. Там же. С. 29.
14. Там же. С. 117.
15. Там же. С. 167.
16. Киркегор С. Наслаждение и долг : пер. с дат. П. П. Ганзена. 3-е изд. Київ : AirLand, 1994. 504 с.
17. Там же. С. 256.
18. Там же. С. 260.
19. Винниченко В. К. Твори. С. 20—21.
20. Там же. С. 231.
21. Там же. С. 308.

22. Там же. С. 386.
23. Там же. С. 294.
24. Там же. С. 387.
25. Там же. С. 387.
26. Хамітов Н. Гранична ситуація // Філософський енциклопедичний словник / гол. ред. кол. В. І. Шинкарук. Київ : Абрис, 2002. 744 с.
27. Винниченко В. К. Твори. С. 291.
28. Там же. С. 323—324.
29. Там же. С. 231.
30. Киркегор С. Наслаждение и долг. С. 295—296.
31. Хамітов Н. Відчай // Філософський енциклопедичний словник / гол. ред. кол. В. І. Шинкарук. Київ : Абрис, 2002. 744 с.
32. Булатов Н. Діалектика екзистенційна // Філософський енциклопедичний словник / гол. ред. кол. В. І. Шинкарук. Київ : Абрис, 2002. 744 с.
33. Винниченко В. К. Твори. С. 425.
34. Там же. С. 439.
35. Там же. С. 440.
36. Там же. С. 445—446.
37. Там же. С. 446.
38. Там же. С. 454—455.
39. Там же. С. 459.
40. Там же. С. 460.
41. Там же. С. 475.
42. Там же. С. 479.
43. Там же. С. 517.

УДК 261.4

В. К. Борецкая

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Гомель

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА

Введение. В условиях современного информационного общества, когда стираются национальные различия, изменяется ритм труда, люди становятся более мобильными, легко меняют место жительства и даже гражданство, особую актуальность приобретает проблема формирования у молодежи чувства патриотизма. В информационно насыщенном общественном сознании доминируют противоречивые идеи глобализма и национальной самоидентификации, которая у многих народов и наций тесно связана с религиозной традицией. Целью данного исследования является изучение проблемы влияния религиозных ценностей на формирование чувства патриотизма.

Основная часть. Понятие «патриотизм» в широком смысле обозначает любовь к своему народу, к своей Родине. Патриотизм предполагает гордость за достижения и культуру своей Родины, желание сохранять её культурные и ментальностные особенности. Чувство патриотизма проявляется в личностной идентификации с другими представителями своего народа, нации, стремлении защищать интересы Родины. В качестве онтологического источника патриотизма можно обозначить феномен существования обособленных государств, благодаря чему веками и тысячелетиями формируются уникальные, характерные для определённой территории язык и культура. Привязанность к языку, культуре, родной земле выражается, в конечном счёте, в чувстве патриотизма. Следует отметить, что мировые религии, в том числе и христианство, распространяясь, приносили в национальную культуру религиозные ценности, тем самым обогащая её. Процесс взаимодействия религии и культуры, как отмечают религиоведы, является обоюдным [1]. Локальные религиозные организации, проходя период становления, приобретают новые черты, связанные с особенностями национальной культуры, зачастую это проявляется в культовой практике. Пройдя процесс инкультурации, тесного взаимодействия и взаимообогащения с этнокультурой, религия прочно вписывается в национальную культуру, влияет на национальное самоопределение, быт, стиль и образ жизни народа, независимо от смены социально-политических режимов. Политика и идеология всегда вариативна, изменяется, а религиозные ценности инвариантны, поэтому для верующих людей связь с религиозной традицией становится источником формирования чувства патриотизма.

Патриотизм для христианина является исполнением двуединой заповеди о любви к Богу и ближним (Мф. 22:37—38; Мк. 12:30; Лк. 10:27). Христианин-патриот любит своё отечество как место, где пребывает его Церковь, где осуществляется его духовное приготовление к Отечеству Небесному. Патриотизм является одной из форм сочетания личностных и общественных интересов, поэтому действенным данный принцип является при доминировании в мировоззрении человека неизменных базовых ценностей, которыми для многих и сегодня остаются религиозные моральные принципы. Религия, сакрализируя базовые ценности, становится одним из факторов, влияющих на патриотические позиции верующих граждан, но она не является источником патриотизма. Заботясь об укреплении духа патриотизма среди населения, государству нельзя недооценивать значение религиозно-мировоззренческих убеждений для верующих-мирян. Но также следует избегать отождествления религиозности с чувством патриотизма, что неизбежно приведёт к делению общества на верующих и неверующих, патриотов и не патриотов.